

МАЙН РИД

КВАРТЕРОНКА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-311.3
ББК 84(4Вел)-44
Р49

Серия «Эксклюзивная классика»

Thomas Mayne Reid
THE QUADROON,
OR, A LOVER'S ADVENTURES IN LOUISIANA

Перевод с английского *В. Куреллы, Е. Шишмаревой*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Рид, Томас Майн.

Р49 Квартеронка : [роман] / Майн Рид ; [перевод с английского В. Куреллы, Е. Шишмаревой]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 448 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-159212-7

«Квартеронка» частично основана на личном опыте автора. В двадцать один год Рид покинул Англию и перебрался в Новый Орлеан. Таким же путем, только на пару десятилетий позже, следует и герой книги, молодой британец Эдвард. В Луизиане юноша влюбляется в красавицу квартеронку Аврору. Несмотря на хорошее образование и аристократические манеры, Аврора остается рабыней. Однако ее хозяйка, юная Эжени Безансон, почти разорена, и вскоре имущество девушки — дом, плантация и невольники — уйдет с аукциона. Пытаясь раздобыть денег для выкупа любимой, Эдвард впутывается в одну авантюру за другой...

УДК 821.111-311.3
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-159212-7

© Перевод. В. Курелла, наследники, 2023
© Перевод. Е. Шишмарева, наследники, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Читатель!

Перед тобой роман, и ничего более.

Не считай автора книги ее героем.

Глава 1

ОТЕЦ ВОД

ОТЕЦ ВОД! Я славлю твой могучий бег. Подобно индусу на берегах священной реки склоняю я пред тобою колена и возношу тебе хвалу!

Но как несходны чувства, которые нас одушевляют! Индусу воды желтого Ганга внушают благоговейный трепет, олицетворяя для него неведомое и страшное грядущее, во мне же твои золотистые волны будят светлые воспоминания и связуют мое настоящее с прошлым, когда я извещал столько счастья. Да, великая река! Я славлю тебя за то, что ты дала мне в прошлом. И сердце замирает от радости, когда при мне произносят твое имя!

Отец вод, как хорошо я знаю тебя! У твоих истоков я шутя перескакивал через тоненькую струйку, ибо в стране тысячи озер, на вершине Hauteur de terre, ты бежишь крохотным ручейком. На лоно вскормившего тебя голубого озерка спустил я берестяной челн и отдался на волю плавному течению, устремившему меня на юг.

Я плыл мимо берегов, где на лугах зреет дикий рис, где белая береза отражает в зеркале твоих вод свой серебристый стан и тени могучих елей купают в твоей глади свои остроконечные вершины. Я видел, как индеец-чипева рассекал твои хрустальные струи в легком каноэ, как лось-великан стоял в твоей прохладной воде и стройная лань мелькала среди прибрежной травы. Я внимал музыке твоих берегов: «крику ко-ко-ви, гоготу ва-ва» гуся, трубному гласу большого северного лебедя. Да, великая река, даже в далеком северном крае, на твоей суровой родине, поклонялся я тебе!

Все вперед и вперед плыву я, пересекая один за другим градусы широты и климатические пояса.

И вот я стою на твоём берегу, там, где ты прыгаешь по скалам и зовешься водопадом Святого Антония и бурным, стремительным потоком прокладываешь себе дорогу на юг. Как изменились твои берега! Хвойные деревья исчезли, и ты нарядился в яркий, но недолговечный убор. Дубы, вязы и клены сплетают шатром свою листву и простирают над тобой могучие руки. Хотя леса твои по-прежнему тянутся без конца и края, девственной природе приходит конец. Взор с радостью встречает приметы цивилизации, слух жадно ловит ее звуки. Среди поваленных деревьев стоит бревенчатая хижина, живописная в своей грубой простоте, а из темной чащи леса доносится стук топора. Над поверженными исполинами гордо качаются шелковистые листья кукурузы, и золотые ее султаны сулят богатый урожай. Из-за зеленых крон деревьев вдруг выглянет цер-

ковный шпиль, и молитва возносится к небу, сливаясь с рокотом твоих волн.

Я снова спускаю челн на твои стремительные волны и с ликующим сердцем плыву вперед и вперед, на юг. Я проплываю теснины, где ты с ревом пробиваешь себе путь, и восхищенно всматриваюсь в причудливые скалы, которые то отвесной стеной поднимаются ввысь, то расступаются и мягкими изгибами вырисовываются на синеве небес. Я смотрю на нависшую над водой скалу, прозванную «Наядой», и на высокий утес, на округлой вершине которого в далекие годы солдат-путешественник разбивал свою палатку.

Я скольжу по зеркальной поверхности озера Пепин, любясь его зубчатыми, похожими на крепостную стену берегами.

С волнением смотрю я на дикий утес «Прыжок любви», чьи обрывистые склоны часто отвечали эхом на веселые песни беззаботных путешественников, а однажды эхо повторило скорбный напев — предсмертную песнь Веноны, красавицы Веноны, которая ради любви пожертвовала жизнью.

Вперед несется мой челн, туда, где безграничные прерии Запада подступают к самой реке, и взор мой с радостью скользит по их вечнозеленым просторам.

Я замедляю ход своего челна, чтобы посмотреть на всадника с разрисованным лицом, скачущего вдоль твоего берега на диком коне, и полюбоваться на гибких дакотских девушек, купающихся в твоих хрустальных струях, а затем — снова вперед, мимо

«Скалистого карниза», мимо богатых рудами берегов Галены и Дюбюка и воздушной могилы смелого рудокопа.

Вот я достиг того места, где бурный Миссури яростно бросается на тебя, как будто хочет повлечь за собою по своему пути. С утлого суденышка я слежу за вашим поединком. Жестокая короткая схватка, но ты побеждаешь, и отныне твой укрощенный соперник вынужден платить тебе золотую дань, вливаясь в твое могучее русло, и ты величественно катишь свои воды вперед.

Твои победоносные волны несут меня все южнее. Я вижу высокие зеленые курганы — единственный памятник древнего племени, некогда обитавшего на твоих берегах. Но сейчас передо мной встают поселения другого народа. Сверкающие на солнце колокольни и купола вздымают в небо острые свои шпили, дворцы стоят на твоих берегах, а другие, плавучие, дворцы качаются на твоих волнах. Впереди виден большой город.

Но я не задерживаюсь здесь. Меня манит солнечный юг, и, вновь доверившись твоему течению, я плыву дальше.

Вот широкое, как море, устье Огайо и устье другого крупнейшего твоего притока, знаменитой реки равнин.

Как изменились твои берега! Ни нависших скал, ни отвесных утесов. Ты прорвался сквозь сковавшие тебя горные цепи и теперь широко и свободно прокладываешь себе путь через собственные наносы. Ты сам в минуту буйного разгула создал свои берега,

и можешь прорвать их, когда тебе вздумается. Теперь леса вновь окаймляют тебя — леса исполинов: раскидистые платаны, высокие тюльпанные деревья, желто-зеленые тополя поднимаются уступами от самой воды. Леса стоят на твоих берегах, и на своей широкой груди ты несешь остовы мертвых деревьев.

Я проношусь мимо последнего твоего большого притока, пурпурные воды которого лишь слегка окрашивают твои волны. Плыву вниз по твоей дельте, вдоль берегов, прославленных страданиями Де Сото* и смелыми подвигами Ибервиля** и Ла Салья***.

Тут душу мою охватывает беспредельное восхищение. Лишь человек с каменным сердцем, бесчувственный ко всему прекрасному, способен взирать на тебя здесь, в этих южных широтах, не испытывая священного восторга.

Сказочные картины, сменяя одна другую, как в панораме, разворачиваются передо мной. Нет на земле пейзажа прекраснее. Ни Рейн с его замками на скалах, ни берега древнего Средиземного моря, ни острова Вест-Индии — ничто не может сравниться с тобой. Ни в одной части света нет такой

* Сото Эрнандо де (1500–1542) — испанский исследователь, которому приписывается открытие Миссисипи в 1541 г.

** Ибервиль Пьер (1661–1706) — французский исследователь Северной Америки, основавший в 1698 г. французскую колонию Луизиану.

*** Ла Саль Рене Робер Кавелье (1643–1687) — французский путешественник, первым проплывший по Миссисипи до самого устья.

природы, нигде мягкое очарование не сочетается столь гармонично с дикой красотой. Однако взор не встречает здесь ни скал, ни даже холмов; лишь темные кипарисовые чащи, опушенные серебристыми мхами, служат фоном картине, и они не уступают в величавости гранитным утесам.

Лес уже не подходит вплотную к твоим берегам. Его давно свалил топор поселенца, и на смену ему пришли золотистый сахарный тростник, белоснежный хлопок и серебристый рис. Лес отступил назад и теперь лишь издали украшает картину. Я вижу тропические деревья с широкими блестящими листьями — пальмы сабаль, аноны, водолюбивую ниссу, катальпу с крупными трубчатыми цветами, душистый стиракс и магнолию с ее восковыми лепестками. С листвой этих прекрасных туземок смешивают свою листву и сотни чудесных пришельцев: апельсин, лимон и фиговое дерево, индийская сирень и тамаринд, оливы, мирты и бромелии, — а поникшие ветви вавилонской ивы составляют разительный контраст с прямыми стеблями гигантского сахарного тростника и копьевидными листьями высокой юкки.

Окруженные этой пышной растительностью, стоят виллы и роскошные усадьбы самой разнообразной архитектуры, столь же разнообразной, как и национальность населяющих их людей. Да, разнообразной, ибо на твоих берегах живут люди самых различных наций, и все они принесли тебе свою дань, украсив тебя дарами славной всемирной цивилизации.

Прощай, отец вод!

Хоть я не родился под этим благодатным южным небом, но провел здесь долгие годы и люблю эту страну даже больше, чем свою родину. Здесь прожил я дни светлой юности, возмужал и провел бурные годы зрелости, и воспоминания об этих годах, полных неувыдаемой романтики, никогда не изгладятся из моей памяти. Здесь мое юное сердце впервые познало любовь — первую, чистую любовь. Неудивительно, что страна эта всегда будет окружена для меня немеркнущим сиянием.

Читатель, выслушай историю этой любви!

Глава 2

ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ В НОВОМ ОРЛЕАНЕ

Как многие юнцы, вырвавшиеся из колледжа, я тяготился жизнью в отчем доме. Мной овладела жажда путешествий; я мечтал увидеть мир, знакомый мне пока только по книгам.

Вскоре мне удалось осуществить свою мечту. Без всякого сожаления смотрел я, как холмы моей родины скрываются за темными волнами, не тревожась о том, увижу ли я их когда-нибудь снова.

Хоть я и вышел из стен классического колледжа, я не чувствовал никакой склонности к классическим знаниям.

За десять лет, проведенных над напыщенными гиперболами Гомера, однообразными стихами Вергилия и скучными нескромностями Горация Флакка, я не проникся тем восхищением перед класси-

ческой литературой, какое испытывают — или при-
творяются, что испытывают, — почтенные ученые с
очками на носу.

Я не создан, чтобы жить в мире отвлеченных идей
или в мечтаниях о прошлом. Я люблю окружающую
меня реальную жизнь. Пускай донкихоты разыгры-
вают трубадуров среди развалин старинных замков,
а жеманные барышни посещают места, воспетые в
путеводителях. Что до меня, то я равнодушен к роман-
тике прошлого. В современном Вильгельме Телле я
вижу лишь наемника, готового продать силу своих му-
скулов любому тирану, а живописный лаццарони при
ближайшем знакомстве представляется мне обыкно-
венным мелким воришкой. Глядя на разрушающие-
ся стены Афин и развалины Рима, я замечаю лишь
бесприютность и голод. Я не любитель живописной
нищеты. Меня не трогают романтические лохмотья.

А между тем именно жажда романтических при-
ключений заставила меня покинуть родной дом.
Меня увлекало все яркое и необыкновенное, ибо
я был в том возрасте, когда человек больше всего
влюблен в романтику. Да я и сейчас не изменился.
Теперь я старше годами, но час разочарования для
меня еще не наступил и, думаю, никогда не насту-
пит. В жизни много романтического — это не иллю-
зия. Романтика живет не в светских гостиных с их
нелепыми обычаями и глупыми церемониями; она
не носит блестящих мундиров и сторонится без-
вкусных придворных празднеств. Звезды, ордена
и титулы ей чужды. Пурпур и позолота убивают ее.

Романтику надо искать в других местах — среди
великой и могучей природы, хотя и не только там.

Ее можно найти среди полей и дубрав, среди скал и озер, так же как и на людных улицах больших городов. Ибо родина ее в человеческих сердцах — сердцах, которые охвачены высокими стремлениями и бьются в груди у людей, жаждущих Свободы и Любви.

В январе 18... года я ступил на землю Нового Света, на землю, политую английской кровью. Любезный шкипер, который перевез нас через Атлантический океан, доставил меня на берег в своей шлюпке. Я стремился осмотреть места, где происходили последние исторические сражения (в ту пору я увлекался военной историей), но мне хотелось осмотреть поле боя в Новом Орлеане не из простого любопытства. Я придерживался мнения, считавшегося в то время еретическим, что мирные люди, вынужденные взяться за оружие, сражаются в иных случаях не хуже наемников-профессионалов и что длительная военная муштровка не служит непременным залогом победы. История войн при поверхностном изучении как будто опровергает это мнение: оно противоречит также и свидетельствам военных, — однако свидетельства профессионалов не имеют большого значения в этом вопросе. Разве можно найти хоть одного военного, который не старался бы выставить свое искусство в самом героическом свете? Кроме того, властители мира не жалели сил, чтобы ввести свои народы в заблуждение. Надо же им было найти какое-то оправдание для той чудовищной обузы, какой для нас является регулярная армия.

Мое желание увидеть поле боя на берегах Миссисипи* имело прямое отношение к интересовавшему меня вопросу. Эта военная операция служила веским доводом в мою пользу, ибо на этом месте шесть тысяч человек, никогда не слышавших команды: «Напра-во!» — победили, разбили наголову и, можно сказать, почти стерли с лица земли прекрасно вооруженную и обученную армию, вдвое превосходившую их числом.

После того как я побывал на месте этой битвы, мне довелось и самому участвовать во многих боях. И теорию, которую в то время отстаивал, я впоследствии проверил на опыте. Вера в военную муштру — это заблуждение, а сила регулярной армии — иллюзия.

Через час я уже бродил по улицам Нового Орлеана, не думая больше о войне.

Мысли мои приняли другое направление. Передо мной, словно в панораме, развертывалась кипучая жизнь Нового Света во всей ее свежести и многообразии, и, вопреки принятому мною решению *nil admirari* — ничему не удивляться, — я невольно с удивлением озирался вокруг.

Одной из первых неожиданностей, поразивших меня, можно сказать, еще на пороге моей жизни за океаном, было открытие, что я ни на что не годен.

* После подписания Гентского договора, завершившего англо-американскую войну 1812–1814 гг., 8 января 1815 г. у Нового Орлеана произошло сражение, в котором малочисленная и плохо организованная американская армия нанесла поражение регулярным английским войскам. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Я мог сослаться на свой аттестат и сказать: «Вот доказательство моей учености — я удостоен высшей награды в колледже». Но на что он мог мне пригодиться? Те отвлеченные науки, которым меня учили, не имели никакого применения в реальной жизни. Моя логика была просто болтовней попугая. Моя классическая ученость лишь загромождала мою память. И я был так же плохо подготовлен к жизненной борьбе, к труду на благо своему ближнему и самому себе, как если бы изучал китайские иероглифы.

А вы, бездарные учителя, пичкавшие меня синтаксисом и стихосложением, — вы, конечно, назвали бы меня неблагодарным, если бы я высказал вам все возмущение и презрение, которые охватили меня, когда я оглянулся назад и убедился, что десять лет жизни, проведенных под вашей опекой, пропали для меня даром, что я глубоко заблуждался, воображая себя образованным человеком, а на самом деле ровно ничего не знаю.

Итак, с некоторым запасом денег в кармане и очень небольшим запасом знаний в голове я бродил по улицам Нового Орлеана, удивленно озираясь вокруг.

Но вот прошло полгода, а я ходил по тем же улицам уже почти без денег в кармане, но зато изрядно пополнив запас своих знаний. За эти шесть месяцев я приобрел значительно больший жизненный опыт, чем за последние шесть лет моей жизни.

Этот опыт обошелся мне недешево. Взятые мною в дорогу деньги быстро исчезли в водовороте ресторанов, театров, маскарадов и «квартиронских